

А.Л. Смышляев
РИМСКИЙ НАМЕСТНИК
В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ: OTIUM
POST NEGOTIUM*

Если верить Тациту, хороший наместник на службе и вне ее должен был выступать в двух прямо противоположных обличиях: «Время, отводимое на отправление служебных обязанностей, он строго отграничивал от часов досуга: где надлежало – а именно в провинциальных собраниях и в суде, – он был важен, внимателен, строг и чаще милостив, но, отдав должное службе, сбрасывал с себя обличье власти (*nulla ultra potestatis persona*)... и, что встречается исключительно редко, ни его доступность¹ не умаляла внушаемого им уважения, ни суровость – любви к нему» (Agr. 9.3; пер. А.С. Бобовича). Столь жесткое противопоставление досуга и службы, обходительности и суровости можно было бы отнести за счет пристрастия Тацита к риторическим эффектам, если бы описанный им стиль поведения не соответствовал столь полно римским представлениям о том, как должен вести себя хороший государственный деятель. По сообщению Плутарха, идеальный гражданин Катон Младший: «...суровый и грозный на трибунале или в сенате, когда дело шло о защите справедливости... в остальное время бывал со всеми доброжелателен и любезен» (Cato Min. 21. 10). А идеальный император Антонин Пий, по свидетельству его биографа, «соединил с императорским достоинством величайшую обходительность» (*summam civilitatem* – SHA. Ant. Pius 6. 4). Эта обходительность считалась одним из важнейших качеств «хорошего императора», который в часы, свободные от государственных дел, должен был вести себя как частное лицо, т.е. наподобие сенатора и даже простого гражданина². Такой стиль поведения, как известно, был связан с гражданскими полисными традициями и имел знаковый характер.

В задачу этой статьи входит разбор особенностей поведения наместника в часы досуга, выявление связи этих особенностей с его поведением в рабочее время³, а также с характером римского провинциального управления в эпоху Принципата. Основой исследования стали в первую очередь сочинения римских юристов II – начала III в. н.э., труды ораторов и писателей⁴, а также данные эпиграфики и папирологии.

* Статья напечатана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта «Становление гражданского общества в древности» (код проекта 96-01-00508). Автору очень помогла стажировка в Париже по линии CNRS и общение с французскими коллегами, которым он глубоко признателен. Выражаю также сердечную благодарность Л.Г. Мясниковой за помощь в работе.

¹ В оригинале здесь – *facilitas*, т.е. «обходительность», «любезность».

² *Suet.* Tib. 26. 1; *Dio Cass.* 65. 10. 4; *Philostr.* Vita Apoll. V. 36; *Wallace-Hadrill A.* Suetonius. The Scholar and his Caesars. L., 1983. P. 163 ff.; *Béranger J.* Le *privatus* dans l'histoire Auguste et dans la tradition historique // *Bonner Historia-Augusta-Colloquium* 1982/83. Bonn, 1985. P. 21–56; *Demandt A.* Das Privatleben der römischen Kaiser. München, 1996. S. 29.

³ Данная статья представляет собой продолжение моей работы «*Civilis dominatio*: римский наместник в провинциальном городе» (ВДИ. 1997. № 3).

⁴ Характеристику этих источников в связи с задачами исследования можно найти в следующих публикациях: *Смышляев А.Л.* Тракаты римских юристов «Об обязанностях наместника провинции» // Древнее право. 1997. № 1(2). С. 65–73; *он же.* *Civilis dominatio...* С. 26 сл.

До сих пор, насколько я могу судить, эта тема еще не была предметом специального изучения. В работах по истории римского провинциального управления в период Принципата она вообще никогда не рассматривалась. И лишь в двух монографиях, в которых персональный патронат и аристократическая система ценностей исследуются в связи с особенностями государственного управления в эпоху Империи, затронуты некоторые аспекты избранной мною темы⁵.

Римский наместник, обезбжавший свою провинцию по центрам судебных округов, проводил свой досуг в обычные дни в обществе тех представителей городской знати, чьим гостеприимством (*hospitium*) он пользовался, а в праздники – также и рядовых граждан провинциальных городов. Следовательно, оба этих института – гостеприимство по отношению к римским должностным лицам и полисные празднества – заслуживают внимания.

Вопросы, касающиеся института гостеприимства, разбираются Ульпианом в трактате «Об обязанностях проконсула»⁶. Уже в самом начале этого сочинения, ссылаясь на рескрипт Севера и Каракаллы, он рекомендует наместнику позаботиться о том, чтобы предоставление гостеприимства не обременяло бы провинцию («*Observare autem proconsulem oportet, ne in hospitibus graebendis oneret provinciam...*» – D. 1. 16. 4 pr.). Правда, здесь может идти речь о размещении на постой не обязательно самого наместника и его свиты, но и воинов, путешествующих по делам службы⁷. Однако в той же первой книге нашего трактата, где говорится о вступлении наместника в провинцию, имеется более определенное и надежное свидетельство. «Полностью отказываться от подарков (*xenia*) проконсул, конечно, не должен, – пишет Ульпиан, – но в этом случае следует соблюдать меру, чтобы, с одной стороны, не проявлять мелочности, отвергая (все), а с другой – не впасть в жадность, теряя чувство меры при приеме подарков. Божественный Север и император Антонин⁸ в своем изящнейшем письме разъяснили этот вопрос. Вот дословно, что там написано: "Что же касается подарков (*xenia*), знай, каково наше мнение: древняя поговорка гласит – *не все, не всегда, не от всех*⁹. Ибо не принимать ни от кого – неучтивость, но брать всюду – неприличие, а брать все подряд – ненасытность». И согласно (императорским) мандатам, ни сам проконсул, ни какое-либо другое официальное лицо не должны принимать в качестве дара (*donum*) или дарения (*munus*) или (даже) покупать что-либо из того, что превышает потребность в повседневном пропитании. Это относится не к гостинцам (*xeniola*), а ко всему, что выходит за пределы (повседневного) пропитания. Но и подарки (*xenia*) не должны (из-за их многочисленности) доводиться до размеров дарений (*ad munus qualitatem*)» (D. 1. 16. 6. 3; ср. D. 1. 18. 18). Словом *xenia*, заимствованным из греческого языка (*ξένια*), называли подарки или гостинцы, которыми хозяин-гостеприимец (греч. *ξένος* – лат. *hospes*) по обычаю наделял остановившегося у него в доме гостя¹⁰. Подарки (*xenia*) такого рода были не только непреходящим атрибутом, но и символом отношений гостеприимства (*hospitium*)¹¹. Подробнейший разбор Ульпианом со ссылкой на рескрипт Севера и Каракаллы, а также на императорские мандаты

⁵ Р. Сэллер и Дж. Лендон обратили внимание на значение персональных связей, складывавшихся между наместниками и ведущими представителями провинциальной городской знати в часы совместного досуга (*Saller R.P. Personal Patronage under the Early Empire. Camb., 1982. P. 159 ff.; Lendon J.E. Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World. Oxf., 1997. P. 216 ff.*).

⁶ См. *Домиций Ульпиан. Об обязанностях проконсула* (сохранившиеся фрагменты по *Palingenesia iuris civilis* О. Ленея). Пер. с лат., вступит. ст. и прим. А.Л. Смышляева // ВДИ. 1985. № 4; 1986. № 1.

⁷ «*Eos milites, quibus supervenientibus hospitia praeberi in civitate oportet, per vices ab omnibus, quos id munus contingit, suscipi oportet*» (D. 49. 4. 3. 13). Ср. *Apul. Metam.* 10. 1; D. 1. 18. 6. 5.

⁸ Имеются в виду Септимий Север и Каракалла.

⁹ Эта поговорка дана в тексте на греческом языке.

¹⁰ *Leonhard R. Hospitium // RE. 1913. Bd XVII. Sp. 2495; Hands A.R. Charities and Social Aid in Greece and Rome. L., 1968. P. 29; Kondoleon Ch. Domestic and Divine. Roman Mosaics in the House of Dionysos. Ithaca – London, 1995. P. 143.*

¹¹ Не случайно слова *τά ξένια* (подарки хозяина гостю) и *ἡ ξενία* (гостеприимство) являются однозвучными.

вопросов, относящихся к подаркам (*xenia*) наместнику, означает, что еще в начале III в. н.э. размещение президиума не в официальной резиденции, а в доме гостеприимца было широко распространенным явлением¹².

Предоставление гостеприимства наместникам и другим должностным лицам видными гражданами провинциальных городов засвидетельствовано начиная с периода Поздней республики¹³. Скорее всего уже тогда этот институт сформировался в своем законченном виде со всеми присущими ему особенностями. Прием в своем доме наместника представлял собой имущественную повинность¹⁴, которую, как правило, должны были по очереди нести самые видные граждане (*primores civitatis*) того провинциального города, где он вершил суд¹⁵. Те, кто был рангом ниже, размещали у себя сопровождавших наместника лиц¹⁶. Таким образом, соблюдалось определенное соответствие социального статуса и ранга хозяина и гостя¹⁷.

Наряду с подарками (*xenia*) непременным атрибутом «гостеприимства» были пиры, которые хозяева по обычаю должны были устраивать для своих гостей¹⁸. Интересно, что приглашения на эти пиры рассылали не хозяева, а их высокопоставленные гости¹⁹. Обязательными участниками такого пира являлись наместник (или иное должностное лицо) и члены его свиты²⁰, а также, чаще всего, принимавший их у себя хозяин

¹² Как отмечает Ф. Миллар, в период Империи должностное лицо, совершая путешествие, могло остановиться в официальной резиденции (*praetorium*), в общественной гостинице, которую предоставлял город, или в доме видного гражданина – гостеприимца, причем последний вариант был самым распространенным (*Millar F. The Emperor in the Roman World (31 BC – AD 337). L., 1977. P. 30; ср. Saller. Personal Patronage... P. 160*).

¹³ В письме брату Квинту – наместнику Азии – Цицерон замечает: «Всюду, куда бы ты ни приехал, можно видеть проявления величайшей радости – и официально и у частных лиц, когда кажется, что город принимает защитника, а не тирана, а дом – гостя, а не грабителя» (Q. Fr. I. 1. 9; пер. В.О. Горенштейна). Письма и речи Цицерона (особенно Веррины) изобилуют свидетельствами подобного рода.

¹⁴ «*Munus hospitii in domo recipiendi non personae sed patrimonii onus est*» (D. 49. 4. 3. 14).

¹⁵ Печально известный Филодам из Лампсака (которого Цицерон называет «*vir primarius et homo honestissimus*», а также «*in primis inter suos soriosus*»), протестуя против размещения у себя дома прислужника Верреса, заявил, «что это не входит в его обязанности, ведь он, когда наступает его очередь предоставлять гостеприимство, имеет обыкновение принимать самих преторов и консулов...» (*munus illud suum non esse; se, cum suae partes essent hospitum recipiendorum, tum ipsos tamen praetores et consules... recipere solere – Cic. Verr. II. 1. 64; 67*). Брату, служившему наместником Азии, Цицерон советует привлечь к себе гостеприимством и дружбой всех самых лучших граждан греческих городов (... *optimum quemque hospitio amicitiaeque coniungi dico oportere – Q. Fr. I. 1. 16*). Едва ли не каждого сицилийского гостеприимца Верреса, пострадавшего от его вымогательства и грабежей, Цицерон именует «*primus civitatis*», «*vir amplissimus eius civitatis*» (Verr. II. 4. 15; 17); «*primus homo*» (Verr. II. 4. 37), «*homo nobilis*» (Verr. II. 4. 49), «*civitatis suae nobilissimus, amplissima cognatione, plurimis amicitias... tota Sicilia multum auctoritate et gratia...*» (Verr. II. 5. 108), «*homo honestissimus*» (Verr. II. 5. 21; ср. *Caes. BG. 1. 53*). Утешая Менемаху из Сард, которому был адресован трактат «Об изгнании», Плутарх в числе прочих повинностей, которые больше не придется нести изгнаннику, называет предоставление гостеприимства наместнику (*ὑπόδειξις τὸν ἡγεμόνα – Mor. 602 C*). Еще раньше он адресовал тому же Менемаху трактат «Наставления об управлении государством» (Mor. 795 A). Проконсула Азии Антонина Пия поселили в доме ритора Полемона, поскольку этот дом был лучшим в Смирне и принадлежал самому знатному мужу (*καὶ κατέλυσεν ἐν τῇ τοῦ Πολέμωνος οἰκίᾳ ὡς ἀρίστη τῶν κατὰ τὴν Σμύρναν καὶ ἀρίστου ἀνδρός – Philostr. V. S. I. 25. P. 534*). Магнатов, занимавших видное положение в восточных провинциях империи, в почетных надписях нередко именуют «*ξένον καὶ φίλον ἡγεμόνον καὶ ἀντιπάτων καὶ ἐπιτρόπων*» (IGR. III. 495; TAM. II. 667, 668; ср. *Quass F. Zum Einfluss der römischen Nobilität auf das Honoratiorenregime in den Städten des griechischen Ostens // Hermes. 1984. 112. S. 204 ff.*).

¹⁶ Об этом можно судить по приему, оказанному Верресу и его свите в Лампсаке (*Cic. Verr. II. 1. 63; 65*).

¹⁷ Этим объясняется возмущение Филодама, которого унизили, разместив у него не наместника, а всего лишь одного из прислужников легата (*Cic. Verr. II. 1. 64*).

¹⁸ *D'Arms J.H. Control, Companionship and Clientela: Some Social Functions of the Roman Communal Meal // Échos du Monde Classique – Classical Views. 1984. XXVIII. 3. P. 331; Lendon. Op. cit. P. 216*.

¹⁹ *Cic. Verr. II. 1. 65; Plut. Quaest. Conv. 707 B; 708 B; 710 A; Lendon. Op. cit. P. 215*.

²⁰ *Cic. Verr. II. 1. 65; Plut. Quaest. Conv. 708 B*.

дома²¹. Состав остальных гостей определялся правилом, в соответствии с которым сотрапезниками должны быть люди близкие друг другу по характеру и общественному положению (Plut. Quaest. Conv. 708 D; 709 B). «Когда угощаешь обедом наместника, – указывает Плутарх, – разумеется наиболее подходящие сотрапезники – это высшие магистраты (если они друзья) и первые лица в городе»²². Очевидно, рекомендации такого рода были связаны с широко распространенными в римском обществе представлениями и стереотипами. У римских императоров в период Принципата было в обычае приглашать на пир магистратов и знатнейших сенаторов (SHA. Pert. 6. 2)²³. На обедах, постоянно устраиваемых Цезарем в провинциях, которыми он управлял, наряду с его друзьями присутствовали знатнейшие из местных жителей (*illustriores provinciarum* – Suet. Iul. 48). На последний в своей жизни пир Катон Младший пригласил высших магистратов (*ἀρχοντες*) Утики и всех друзей, находившихся в городе (Plut. Cato Min. 67. 1).

Наместники часто пировали не только в домах своих гостеприимцев, но и у других видных граждан²⁴. По сообщению Плутарха, Цицерон в Киликии освободил провинциалов от пиров в честь наместника, но вместо этого сам приглашал к своему столу тех, кто был ему приятен, и ежедневно потчевал их без роскоши, но вполне достойно (Plut. Cic. 36. 3). Видимо, вместо того, чтобы пировать по очереди в домах самых влиятельных граждан, он постоянно приглашал их обедать в дом своего гостеприимца²⁵. Скорее всего наместник пировал у тех, кто разместил у себя членов его свиты²⁶, либо у тех, кто был его сотрапезником в доме его гостеприимца, причем это могли быть либо одни и те же люди²⁷, либо по крайней мере люди одного круга.

Таким образом, значительную часть своего свободного времени римский наместник проводил на пирах в обществе своего гостеприимца, а также самых видных граждан и магистратов того города, где он вершил суд. В соответствии с обычаем для пиров была характерна особая атмосфера раскованности и веселья, связанная с представлением о равенстве и дружеском единстве сотрапезников: «В поведении и речах за дружеским кубком господствует величайшая свобода и непринужденность в сочетании с шуткой» (Plut. Quaest. Conv. 707 E; пер. Я.М. Боровского)²⁸. По свидетельству Плутарха, цель пира – «обеспечить с помощью удовольствия укрепление дружбы среди присутствующих или ее возникновение: ведь пир – это времяпровождение за

²¹ Видимо, в тех случаях, когда разница в социальном статусе гостя и хозяина была особенно велика, последнего могли и не пригласить на устроенный им самим пир. По свидетельству Светония, Август, с большим разбором выбиравший себе сотрапезников, однажды пригласил на обед своего бывшего телохранителя, на вилле которого он остановился (Aug. 74. 1–2). Скорее всего этот поступок упомянут как из ряда вон выходящий. Можно вспомнить также, что императоры не рекомендовали наместникам принимать подарки (*xenia*) от кого попало (D. 1. 16. 6. 3), а римские аристократы не считали себя обязанными представлять ответное гостеприимство тем, кто по своему статусу был значительно ниже их (*D'Arms. Control... P. 332 f.*).

²² «... ἐπιτήδαιοι δὲ τῷ μὲν ἡγεμόνα δεῖπνίζουσι συνδεῖται δὲ τῶν ἀρχόντων, ἐὰν ᾧσι φίλοι, καὶ οἱ πρῶτοι τῆς πόλεως» (Plut. Quaest. Conv. 679 D).

²³ Ср. *Dio Cass.* 65. 10. 6; 69. 7. 3.

²⁴ В Верринах Цицерон постоянно упоминает в числе обиженных Верресом лиц почтенных и уважаемых граждан, у которых тот пировал, не будучи их гостеприимцем. Самый известный из них – вышеупомянутый Филодам из Лампсака.

²⁵ То, что Цицерон пользовался в Киликии гостеприимством местных граждан, известно из его переписки (Fam. XIII. 67. 1).

²⁶ Об этом свидетельствует уже упоминавшийся эпизод с Филодамом (*Cic. Verr. II. 1. 65*).

²⁷ Апулей упоминает людей, «у которых вошло в обычай в часы досуга наместников надоедать им своим присутствием» (*Flog. 17*). Видимо, речь идет о тех, кто постоянно разделял с наместником его досуг. В Верринах Цицерона и в надписях упоминается немало провинциалов, бывших гостеприимцами множества сменявших друг друга наместников. Менемаху приходилось, видимо, постоянно принимать у себя наместников (*Plut. Mor. 602 C*; см. прим. 15).

²⁸ Ср. *Quint.* 6. 3. 28; *D'Arms. Control... P. 345*; *idem. The Roman Convivium and the Idea of Equality // Symptica. A. Symposium on the Symposion / Ed. O. Murray. Oxf., 1990. P. 313 f.*; *Pellizer E. Outlines of a Morphology of Sympotic Entertainment // Symptica... P. 178 f.*

вином, которое благодаря приятному поведению завершается дружбой» (Quaest. Conv. 621 C)²⁹. Этим представлениям вполне соответствует утверждение Апулея, что люди, имеющие обыкновение в часы досуга наместников надоедать им своим присутствием, «хвастаются видимостью дружбы с ними» (Flor. 17). Таким образом, именно на пирах наместник должен был «сбрасывать с себя обличье власти» и проявлять свою *facilitas* (обходительность, любезность)³⁰, способствующую установлению неформальных дружеских связей между ним и его помощниками, с одной стороны, и наиболее видными гражданами провинциального города – с другой.

Подобным образом вели себя на досуге и «хорошие» императоры, которые оказывали различные знаки внимания своим высокопоставленным сотрапезникам и даже ходили в гости к своим друзьям. Такое поведение рассматривалось как проявление правителем гражданской умеренности и уважения республиканских традиций³¹.

Укреплению дружеских связей наместников с их гостеприимцами способствовало и вручение последними подарков (*xenia*)³². И хотя приношения провинциалов наместникам строго пресекались центральной властью³³, она не запрещала принимать *xenia*, поскольку отказ от них был равносильен отказу от предлагаемой дружбы и мог разрушить неформальные персональные связи между наместниками и их гостеприимцами³⁴.

Таким образом, «гостеприимство» по отношению к наместникам имело двойственную природу, будучи одновременно и государственной повинностью, и социальным институтом аристократического общества, связанным с установлением «дружбы» между римскими должностными лицами и самыми видными из провинциалов³⁵.

Гостеприимство по отношению к наместнику было не единственным способом установления с ним неформальных персональных связей. В провинциальном городе, так же, как и в самом Риме, новый день, по всей видимости, начинался для наместника с *salutatio* – утреннего приветствия со стороны друзей и клиентов. Характеризуя досуг Цицерона как идеального наместника, Плутарх вслед за описанием его пиров указывает: «В его доме не было привратника, и ни один человек не видел Цицерона, лежащим праздно: с первыми лучами солнца он уже стоял или распахивал у дверей своей спальни, приветствуя посетителей» (Plut. Cic. 36. 3; пер. С.П. Маркиша). Речь

²⁹ Ср. Plut. Quaest. Conv. 660 A–B; *idem*. Cato Maior. 25. 2.

³⁰ Плутарх упоминает «некие славословия» (εὐφημασ τινῶς), которые наместники имели обыкновение адресовать видным провинциалам из числа своих сотрапезников (De laud. ips. 546 D–E).

³¹ Alföldi A. Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreiche. Darmstadt, 1970. S. 26. Anm. 4; Demandt. Op. cit. S. 65 f.

³² Как известно, обмен подарками и услугами представлял собой самую сердцевину отношений дружбы (Hands. Op. cit. P. 26 ff.; Saller. Personal Patronage... P. 123; Braund D. Rome and the Friendly King. The Character of the Client Kingship. N.Y., 1984. P. 59).

³³ Mierow H.E. The Roman Provincial Governor as he appears in the Digest and Code of Justinian. Colorado Springs. 1926. P. 16; Duyvendak N. Restraining Regulations for Roman Officials in the Roman Provinces // Symbolae Van Oven. Leiden, 1946. P. 333 ff.; Lintott A. Imperium Romanum. Politics and Administration. L. – N.Y., 1993. P. 44, 100 ff.

³⁴ Отказ от подарка свидетельствовал о нежелании аристократа признать дарителя равным себе и мог привести к полному разрыву отношений с ним (Hands. Op. cit. P. 26, 33; Saller. Personal Patronage... P. 127). По словам Севера и Каракаллы, «не принимать ни от кого (подарки) – неучтивость» (*inhumanitas* – D. 1. 16. 6. 3). Что означает в данном случае *inhumanitas*, дает представление письмо Плиния к наместнику Беттики (Ep. IX. 5): «... ты повышаешь цену своего правосудия в глазах провинциалов своей большой обходительностью (*humanitate*), в которой самое главное – привлечь к себе каждого почтенного человека... и пользоваться уважением первых людей города (*honestissimum quemque complecti atque... a principibus diligere*)». Интересную параллель к письму Севера и Каракаллы можно обнаружить в Юлиевом законе о вымогательствах, в соответствии с которым городским магистратам Рима в течение срока их полномочий разрешалось принимать подарки, общая стоимость которых не превышала 100 000 сестерциев (D. 48. 11. 6. 2). Очевидно, законодатель понимал, что магистраты не могли полностью отказаться от общепринятых норм социального поведения и традиционных социальных связей.

³⁵ В надписях и литературных текстах, в которых речь идет о гостеприимстве по отношению к наместнику, слова *hospitium* и *amicitia* нередко стоят рядом и употребляются как синонимы (IGR. III. 495; TAM. II. 667; 668; Liv. 1. 45. 2; Cic. Ad. Q. Fr. I. 1. 16; ср. Caes. BG. 1. 53; Quass. Zum Einfluss... S. 204 f.).

здесь, несомненно, идет о *salutatio*, организованной так, чтобы в ней мог принять участие любой провинциал. Сам Цицерон в письме к брату, служившему наместником Азии, отмечает с похвалой: «Ни одному человеку, как бы он ни был беден и беспомощен, не закрыт доступ к тебе – и не только к твоему трибуналу, куда допускается весь народ, но также в твой дом и твою спальню» (Q. Fr. I. 1, 25; пер. В.О. Горенштейна).

Церемония *salutatio*, судя по папирусным данным, была в ходу и у префектов Египта (Acta Alexandr. 7. 1. 66–69)³⁶. Можно предположить, что она являлась распространенной в провинциях, и усомниться в том, что *любой* провинциал мог свободно принять в ней участие³⁷.

Не менее важную роль в приобретении «дружбы» и покровительства наместника играли рекомендательные письма (*commendationes*) от его друзей и родственников³⁸. В трактате «Об обязанностях проконсула» Ульпиан пишет: «Прежде чем вступить в пределы назначенной ему провинции, проконсулу надлежит послать эдикт о своем прибытии, содержащий рекомендующие его сведения, (например) есть ли у него где-либо друзья и родственники среди провинциалов»³⁹. «Рекомендовать себя кому-либо» означало в римском обществе – обратиться с просьбой о поддержке и предложением своей дружбы⁴⁰. Указывая своих друзей и родственников среди провинциалов, наместник тем самым предлагал воспользоваться их услугами в установлении неформальных дружеских контактов. Разумеется, такого рода услуги были доступны только богатым и влиятельным провинциалам, принадлежавшим к тому же кругу, что и друзья и родственники наместника, проживавшие в провинции⁴¹.

Подводя предварительные итоги, можно отметить, что в обычные (непраздничные) дни наместник, а также люди, входившие в его свиту, проводил свое свободное время главным образом в кругу самых видных граждан провинциальных городов, общаясь с ними на равных, пользуясь их гостеприимством и принимая от них подарки (*xenia*). Его досуг был организован так, чтобы обеспечить ему наилучшие возможности для создания и укрепления неформальных дружеских связей с влиятельными провинциалами. Причем центральная власть не только не препятствовала подобным связям, но, наоборот, оказывала им поддержку⁴².

Между тем неформальные контакты в неофициальной обстановке порождали множество проблем и опасных ситуаций как для самого наместника, так и для центральной власти. В соответствии с аристократической этикой «дружба» предполагала взаимный обмен услугами (*officia*) и благодеяниями (*beneficia*)⁴³. В ответ на оказанный ему прием наместник должен был обеспечить своим гостеприимцам и сотрапезникам особое

³⁶ Ссылки на этот источник даются по изданию: The Acts of the Pagan Martyrs: Acta Alexandrinorum / Ed. H.A. Musurillo. Oxf., 1954.

³⁷ Уже тот факт, что и Плутарх и Цицерон заостряют внимание читателя на свободе доступа к идеальному наместнику, позволяет предположить, что это встречалось не часто. Судя по рекомендациям Ульпиана проконсулу, рядовому человеку было очень трудно вручить свое прошение наместнику (D. 1. 16. 9. 4). О знатных сотрапезниках наместника, ожидающих его появления у двери его спальни во время церемонии *salutatio*, см. Acta Alexandr. 7. 1. 66–69.

³⁸ Saller. Personal Patronage... P. 152 ff.; 163 f. По словам Цицерона, «рекомендацией (*commendatione*) как бы открываются двери дружбы» (Fam. XIII. 10. 4).

³⁹ «Antequam vero fines provinciae decretae sibi proconsul ingressus sit, edictum debet de adventu suo mittere continens commendationem aliquam sui, si qua ei familiaritas sit cum provincialibus vel coniunctio...» (D. 1. 16. 4.3).

⁴⁰ Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République. P., 1963. P. 157 suiv.

⁴¹ Именно так обстоит дело в двух известных нам случаях: 1) Апулей послал пасынка с рекомендательным письмом к своему другу, проконсулу Африки Лоллиану Авиту (Apolog. 94); 2) Элий Аристид получил рекомендательное письмо к проконсулу Азии Юлию Северу от видного пергамского гражданина Клавдия Пардала – поклонника оратора и друга наместника (Aristid. 50. 87).

⁴² Об этом можно судить по правовым нормам, регулирующим *xenia*, и по совету Ульпиана относительно эдикта вступающего в провинцию наместника.

⁴³ Hands. Op. cit. P. 26 ff.; Saller. Personal Patronage... P. 13, 24 f.

привилегированное по сравнению с другими провинциалами положение⁴⁴, не изменяя при этом своему долгу справедливого и беспристрастного судьи и правителя⁴⁵. Совместить верность социальным обязательствам и долгу государственного деятеля было чрезвычайно сложно⁴⁶. В неофициальной и в официальной обстановке наместнику приходилось руководствоваться двумя разными системами ценностей и, следовательно, выступать в двух разных обликах. Очевидно, именно с этим связано жесткое противопоставление досуга и службы, обходительности и суровости при описании поведения идеального наместника и гражданина.

Проблемы и сложности, вызванные «дружбой» между видными провинциалами и наместниками, нашли отражение в адресованных последним трактатах-инструкциях⁴⁷. Юристы – авторы этих трактатов – обращают особое внимание на поведение наместника во время суда на глазах у толпы, состоящей из рядовых граждан⁴⁸.

Так, Каллистрат замечает: «Тому, кто вершит суд, надо следить, чтобы доступ к нему был легким, но при этом он не испытывал бы пренебрежения (*sed contemni non ratiatur*). Поэтому в императорских мандатах дополнительно указывается, что наместники провинций не должны допускать чрезмерной дружбы (*ulteriore[m] familiaritatem*): ведь общение на равных (*ex conversatione aequali*) порождает пренебрежение достоинством (наместника)» (D. 1. 18. 19 pr). Сходные предостережения можно найти у Ульпиана: «Проконсул должен проявлять терпимость по отношению к адвокатам, но в разумных пределах, чтобы не показалось, что им можно пренебрегать (*ne contemptibilis videatur*), – так, например, ему не следует смотреть сквозь пальцы на тех (из них), кто является устроителем или откупщиком тяжб, и только тем должен он разрешить возбуждение судебного дела, кому это дозволено его эдиктом» (D. 1. 16. 9. 2). Упоминание адвокатов в числе тех, кто способен пренебрегать достоинством проконсула, видимо, неслучайно. Судя по сохранившимся в африканских провинциях почетным надписям, те из адвокатов, кто принадлежал к высшей городской знати, составляли самую многочисленную группу провинциалов, пользующихся покровительством наместника⁴⁹. Видимо, именно адвокатам было особенно удобно пожинать плоды «чрезмерной дружбы» с президом.

Советы Каллистрата и Ульпиана заставляют вспомнить слова Тацита о том, сколь часто проявляемая на досуге обходительность умаляет авторитет наместника (*facilitas auctoritatem ... deminuit* – Agr. 9. 3).

Ульпиан также рекомендует проконсулу оказывать помощь тем, кто жалуется, что не мог найти адвоката «из-за могущества своего противника (*per adversarii sui potentiam*)», поскольку «нельзя допускать, чтобы противник мог так подавлять своим могуществом, и если человек ведет себя так самовластно, что все боится выступить в качестве адвоката противной стороны, то это может вызвать даже недоброжелательство к правителю провинции» (*hoc enim etiam ad invidiam eius qui provinciae praeest spectat* – D. 1. 16. 9. 5). Видимо, возмущение бесчинствами местного магната может быть перенесено на чересчур снисходительного к ним наместника из-за «чрезмерной дружбы» между тем и другим.

⁴⁴ Восхваляя проконсула Африки, Апулей пишет о благодеяниях, которые тот оказал людям, узнавшим его, и примере, который тот подал своим поведением людям посторонним (Flor. IX).

⁴⁵ Saller. *Personal Patronage...* P. 164.

⁴⁶ Не случайно Цицерон, заботясь о своей незапятнанной репутации в Киликии и желая сохранить свободу действий, отказывался от подарков своих гостеприимцев и отклонял приглашения на пиры со стороны других провинциалов. Вместе с тем, уклоняясь от обязательств по отношению к последним, он не отказывается от неформальных контактов и дружеского общения, ежедневно приглашая их на пир в дом своего гостеприимца (Cic. Att. V. 10. 2; Plut. Cic. 36. 3).

⁴⁷ См. прим. 4.

⁴⁸ Об открытом публичном характере судебных заседаний под руководством наместника см. *Смышляев. Civilis dominatio...* С. 27 сл.

⁴⁹ Saller. *Personal Patronage...* P. 150 ff.; Wilkins P.J. *Legates of Numidia as Municipal Patrons* // Chiron. 1993. 23. P. 200 f.

В другом месте своего трактата Ульпиан отмечает, что «президы должны отвечать на запросы судей, у которых имеются сомнения по вопросам права, но судьям, обращающимся за советом по поводу фактических обстоятельств дела, президы не должны его предоставлять... ведь такое дело иногда бесчестит (президы) и дает повод для потворства или пристрастия» (*haec enim res nonnumquam infamat et materiam gratiae vel ambitionis tribuit* – D. 5. 1. 79. 1). Слово *gratia* («благодарность», «пристрастие»), использованное Ульпианом, принадлежит к лексикону, связанному с отношениями, основанными на взаимном обмене благодеяниями и услугами⁵⁰. В данном контексте оно означает скорее всего «дружеское пристрастие»⁵¹. Наместника, таким образом, бесчестит стремление помочь своим могущественным друзьям в ущерб их противникам в судебном разбирательстве. Чтобы избежать подобных обвинений, наместники, вершившие суд, должны были дистанцироваться от своих влиятельных друзей, демонстрировать свою строгость и суровость по отношению ко всем участникам судебного процесса. Плиний хвалит своего приятеля – наместника за то, что, в отличие от многих, он не заходит слишком далеко в этом отношении: «Ведь большинство, опасаясь показаться слишком пристрастными к могущественным людям (*ne gratiae potentium nimium impertire videantur*), приобретают славу недоброжелательности и даже злобности» (*Plin. Ep. IX. 5. 2*).

Немалые трудности и для наместника, и для центральной власти порождает такой обязательный атрибут «гостеприимства», как подарки (*хепиа*). Поскольку граница между дозволенными приношениями (*хепиа*) и недозволенными дарами (*dona, munera*) была столь же зыбкой, как и граница между законными услугами (*officia*) и благодеяниями (*beneficia*) в отношении друзей и противозаконным проявлением потворства и пристрастия, прием подарков (*хепиа*) мог стать (и нередко становился) удобным способом обхода законов против коррупции⁵². С другой стороны, даже и добросовестный наместник, не уклоняющийся от дозволенных подарков, мог легко оказаться жертвой обвинения со стороны влиятельных провинциалов, обделенных его «дружбой»⁵³. Интересно, что свидетелями обвинения против отданного под суд префекта Египта выступают почтенные граждане, которых он редко приглашал на свои пиры, а их показания в немалой мере посвящены застольным утехам и бесчинствам обвиняемого (*Acta Alexandr. 7. 1. 49–59*).

Можно задаться вопросом, почему же при всех негативных последствиях неформальных дружеских связей с провинциалами наместники продолжали их завязывать и поддерживать, а центральная власть одобряла и санкционировала подобные отношения. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратить внимание на то, с какими ресурсами и в каком окружении наместник должен был осуществлять свою власть в провинции. По определению Э. Линтотта, с которым трудно не согласиться, «штат наместника провинции состоял главным образом из свиты, которой имел обыкновение окружать себя римский магистрат или промагистрат, когда он выезжал из Рима, причем она в свою очередь представляла собой урезанную версию домо-

⁵⁰ *Saller. Personal Patronage...* P. 21 f.; зачастую *gratia* является синонимом слова «amicitia» (*Hellegouarc'h. Op. cit. P. 205*).

⁵¹ *Ср. D. 5. 1. 15. 1: «ludex tunc litem suam facere intellegitur, cum dolo malo in fraudem legis sententiam dixerit (dolo malo autem videtur hoc facere, si evidens arguatur eius vel gratia, vel inimicitia vel etiam sordes)...»* (курсив мой. – А.С.).

⁵² *Pflaum H.G. Essai sur les procurateurs équestres sous le Haut-Empire Romain. P., 1950. P. 168 suiv.; Saller. Personal Patronage...* P. 165.

⁵³ Об этом свидетельствует разбиравшееся в сенате дело наместника Вифинии Юлия Басса, чем-то обидевшего «самых беспокойных и властолюбивых провинциалов» (*factiosissimum quemque*). В отместку его обвинили в вымогательстве и хищениях, связанных с приемом недозволенных приношений. И хотя Басс доказывал, что если он и принимал кое-что от провинциалов, то только как их друг (*quaedam a provincialibus ut amicus accerperat*) и при этом не превышал допустимой меры, он был отдан под суд, несмотря на сочувствие многих сенаторов (*Plin. Ep. IV. 9*). Дело Юлия Басса наглядно демонстрирует, что хотя «дружба» наместника с видными провинциалами ставилась ему в заслугу, ее конкретные проявления могли стать основой для судебного разбирательства.

хозяйства и круга друзей римского аристократа, модифицированную небольшой добавкой государственных служащих»⁵⁴. И хотя это определение относится в первую очередь к наместникам эпохи Республики, оно вполне соответствует реалиям периода Принципата. В это время наместник, а также его ближайшие помощники, как правило, брали с собой в провинцию жен и детей⁵⁵ и, кроме того, наиболее доверенных рабов и отпущенников⁵⁶. Сами же помощники наместника обычно были его друзьями и родственниками⁵⁷. Поэтому выражение *mei* – мои (люди), служившее для обозначения чьих-либо домочадцев, а также ближайших родственников, друзей и клиентов⁵⁸, могло одновременно использоваться и для обозначения свиты наместника (Plin. Ep. X. 15, 18).

Таким образом, в провинциальном городе наместник (как и магистраты в самом Риме⁵⁹) находился в привычном ему окружении и исполнял свои обязанности привычными средствами, опираясь прежде всего на помощь своих домочадцев, родственников, а также друзей и клиентов, т.е. людей, с которыми он поддерживал неформальные персональные отношения⁶⁰. В этих условиях расширение круга друзей и клиентов за счет влиятельных провинциалов означало прежде всего умножение помощников и сотрульников наместника в деле управления провинцией. Круг сотрапезников наместника, разделявших с ним его досуг, если не полностью, то в значительной мере совпадал с кругом советников, входивших в его *consilium* и помогавших ему вести судебные разбирательства⁶¹. Не имея в городах своей провинции подчи-

⁵⁴ Lintott. Op. cit. P. 50; ср. Saller. Personal Patronage... P. 157.

⁵⁵ Raepsaet-Charlier M.-T. Épouses et familles de magistrats dans les provinces romaines aux deux premiers siècles de l'empire // *Historia*. 1982. 31. P. 56–69; Duyvendak. Op. cit. P. 334 f.

⁵⁶ Ульиан специально разбирает вопрос о том, должны ли проконсулы наказывать за совершенные преступления собственных рабов и рабов своих подчиненных или оставлять это преемнику. Он добавляет далее, что имеется множество примеров, когда проконсулы сами выносили наказания по подобным делам (D. 48. 19. 6. 1; ср. Tac. Agr. 19. 2; D. 1. 18. 16). Из Британии дошло посвящение, сделанное от имени *liberti* et familia legata одного из легионов (CIL. VII. 164 = RIB. I. 445; ср. Suet. Tib. 19). Об использовании наместниками своих рабов и отпущенников в деле управления провинциями см. Lintott. Op. cit. P. 52.

⁵⁷ Фронтон, готовясь к исполнению обязанностей проконсула Азии, рассчитывает прежде всего на помощь друзей и включает в свой штат родственников, друзей и близких (*propinquos, amicos, familiares*), проживавших не только в Италии, но и в провинциях (Ad Pium 8). Рассказывая о кознях, которые строил наместнику его «спутник» (*comes*), Плиний указывает, что это должно послужить уроком всем, кто будет управлять провинциями и всем, кто простодушно доверяет друзьям (Ep. VI. 22. 1). Если верить посвячительной надписи, сделанной от имени проконсула Македонии и его приближенных в 165 г. н.э., в свиту этого наместника входили четыре его друга (*amici*), 13 его рабов и несколько солдат, аппаратчиков, а также рабов, принадлежавших его друзьям (AE. 1967. 444). О друзьях наместников, занимавших различные посты в их штате, см. Saller. Personal Patronage... P. 131 f., 157; Halfmann H. *Itinera principum. Geschichte und Typologie der Kaiserreisen im Römischen Reich*. Stuttgart, 1986. S. 93.

⁵⁸ Saller R. Roman Kinship: Structure and Sentiment // *The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space* / Ed. B. Rawson, P. Weaver. Canberra – Oxford, 1997. P. 31 f.

⁵⁹ О роли неформальных персональных связей в деятельности римских магистратов и политиков см. Hellegouarc'h. Op. cit. P. 53 suiv.; Toynbee A.J. Hannibal's Legacy. The Hannibalic War's Effects on Roman Life. V. 1. L., 1965. P. 331 f.; Rouland N. Pouvoir politique et dépendance personnelle dans l'Antiquité romaine. Genèse et rôle des rapports de clientèle. Bruxelles, 1979. P. 457 suiv.; Nippel W. Public Order in Ancient Rome. Camb., 1995. P. 15.

⁶⁰ «Дружба» в отношениях такого рода имела преимущественно инструментальный характер (Saller. Personal Patronage... P. 13 f.). Отсюда встречающееся у греческих и римских писателей сопоставление друзей правителя и политика с живыми и мыслящими орудиями: «Nullum maius boni imperii instrumentum quam bonos amicos esse» (Tac. Hist. IV. 7. 3; ср. Plut. Praec. rei publ. ger. 807 D; *idem*. Cic. 7. 1).

⁶¹ Советники наместника, так же, как и его сотрапезники, состояли из сопровождавших его в провинцию друзей, а кроме того, из высших магистратов и самых видных граждан провинциального города (Смышляев. Civilis dominatio... С. 28 сл.). Не случайно Цезарь постоянно давал в провинциях обеды в двух триклинных, в первом из которых пировали сотрапезники в воинских плащах или греческом платье, а во втором – люди, облеченные в тогу, возлежали за столами вместе с самыми видными провинциалами (*togati cum illustribus provinciarum discumbent* – Suet. Iul. 48). В римском мире совпадение сотрапезников с советниками было достаточно распространенным явлением (Jos. Fl. Ant. Iud. XV. 77; Plin. Ep. VI. 31; Plut. Cato Min. 37. 5).

ненных ему чиновников, наместник мог эффективно исполнять свои обязанности, только заручившись поддержкой высших магистратов и самых видных граждан этих городов⁶², т.е., говоря иными словами, установив с ними неформальные персональные связи, основанные на взаимном обмене благодеяниями и услугами.

В свою очередь завязывание и использование личных связей с наместниками и другими влиятельными римлянами (φίλια ἡγεμονική) было устоявшимся поведенческим стереотипом в политической деятельности знати провинциальных городов и одновременно залогом ее эффективности⁶³. Поэтому несмотря на тяготы и расходы, связанные с предоставлением гостеприимства наместнику и его свите, «первые мужи» едва ли не каждого крупного города стремились добиться для него статуса центра судебного округа⁶⁴. Сотрудничество наместника в деле управления провинцией со своими гостеприимцами, друзьями и сотрапезниками из числа местных магнатов позволяло ему использовать их влияние и обширные ресурсы, но вместе с тем заставляло его принимать во внимание их интересы. Совместный досуг наместника и «первых мужей» провинциального города, связанный с гостеприимством, пирами и подарками (δενία), так же, как и их совместная деятельность, соответствовал характерной для римской державы политике союза императорской власти с городской знатью и был одним из ее компонентов⁶⁵.

Римский наместник являлся неперенным участником не только пиров для избранных, но и общегородских празднеств и зрелищ.

Первоначально наместники сами по образцу городских магистратов устраивали празднества и зрелища в провинциальных городах, пока Нерон не запретил им этого, «ибо, заручившись народным расположением, они избегали возмездия за преступное стяжательство» (Тас. Анн. XIII. 31. 4). Однако и после запрета они оставались постоянными посетителями зрелищ и представлений, связанных с городскими празднествами. По сообщению Гая, «рабы старше 30 лет отпускаются на свободу в любое время, так что они могут получить вольную даже на ходу (in transitu), когда, например, претор или проконсул идут в баню или в театр» (Gai. I. 20; ср. D. 40. 2. 7). Менандр Ритор указывает, что обычаем установлено приглашать наместника в город, где устраиваются празднества, и приводит образец соответствующей речи (Men. Rh. 424–425)⁶⁶. В муниципальном законе небольшого испанского городка Урсона, который вряд ли был центром судебного округа, упоминаются почетные места на зрелищах, предназначенные для наместника и его квестора⁶⁷. Очевидно, наместники время от времени специально посещали тот или иной город, чтобы принять участие в местных празднествах.

Поведение наместников на зрелищах отличалось, видимо, той же любезностью и предупредительностью, что и на пирах. Модестин в своем трактате «О наказаниях» специально предупреждает президов, что они не должны отпускать на свободу преступников, приговоренных к бою со зверями из-за благоволения к ним народа⁶⁸. Этот вопрос наместникам следует согласовать с принципсом (D. 48. 19. 31). Прокуратор Эпира жаловался Эпиктету, что подвергся в театре оскорблениям со стороны зри-

⁶² Jacques F. Le privilège de liberté. Politique impériale et autonomie municipale dans les cités de l'Occident romain (161–244). Rome, 1984. P. 343; Burton G. Government and the Provinces // The Roman World. V. 1. L. – N.Y., 1987. P. 424 ff.; Lintott. Op. cit. P. 129; Shulte C. Die Grammateis von Ephesos. Schreiberamt und Sozialstruktur in einer Provinzhauptstadt des römischen Kaiserreiches. Stuttgart, 1994. S. 56 ff.

⁶³ Plut. Praec. rei publ. ger. 814 C; Quass F. Die Honoratiorenschicht in den Städten des griechischen Ostens. Untersuchungen zur politischen und sozialen Entwicklung in hellenistischer und römischer Zeit. Stuttgart, 1993. S. 149.

⁶⁴ Habicht Chr. New Evidence on the Province of Asia // JRS. 1975. 65. P. 64 ff.; Reynolds J. Hadrian, Antoninus Pius and the Cyrenaican Cities // JRS. 1978. 68. P. 111 ff.; Quass. Die Honoratiorenschicht... S. 175. Anm. 551.

⁶⁵ Ср. Saller. Personal Patronage... P. 166.

⁶⁶ Менандр Ритор цитируется по изданию: Menander Rhetor / Ed. D.A. Russel, N.G. Wilson. Oxf., 1981.

⁶⁷ Lex Urs. § 127 (FIRA. I. 21).

⁶⁸ Очевидно, такое бывало нередко.

телей, поскольку слишком открыто «болел» за непопулярного актера (Epict. Diatr. III. 4). Дело закончилось нотацией Эпиктета несдержанному президу. Судя по всему, никто из зрителей не пострадал.

Поведение наместников и зрителей становится понятным, если учесть, что в римскую эпоху места в театрах и амфитеатрах распределялись по куриям, коллегиям и сословиям (*ordines*), а собравшиеся на представление зрители фактически являлись правильно организованным гражданским коллективом и могли выражать свою волю именно в качестве такового⁶⁹. Общественные зрелища в период Империи в некотором смысле заменяли комедии, и единодушное мнение всех или большинства зрителей нередко рассматривалось как выражение народного волеизъявления⁷⁰. Именно поэтому во время представлений рядовые граждане вели себя более свободно, чем обычно, а их просьбы, как правило, трудно было отвергнуть даже императорам⁷¹. Присутствие императоров на зрелищах как в Риме, так и в городах Италии и провинций было залогом их популярности, а их предупредительное любезное отношение к зрителям рассматривалось как проявление гражданственности и почтения к народу⁷².

Таким образом, и присутствие наместника на зрелищах, и его обходительное поведение было связано с устоявшимися полисными традициями и ожиданиями подвластных. Так же, как знать на пирах, рядовые граждане на зрелищах могли, видимо, оказывать определенное давление на наместника, выражать свою волю и свои интересы.

Подводя итоги, можно отметить, что в провинциальном городе наместник, как правило, проводил свой досуг в том же обществе, что и рабочее время, но не на один и тот же лад. Если, исполняя служебные обязанности, он должен был вести себя наподобие городского магистрата, то в неформальной обстановке пиров и зрелищ ему следовало скорее выступать в качестве частного лица, демонстрируя свою обходительность, любезность и единство с подвластными. Такое поведение соответствовало полисным нормам и традициям и было характерно также и для правителей другого ранга – городских магистратов и «хороших» императоров. Вместе с тем оно отвечало потребностям провинциального управления эпохи Принципата, ориентированного на взаимодействие центральной власти и самоуправляющихся городских общин. Оно позволяло наместнику лучше узнать интересы и потребности социальных слоев, с которыми он должен был считаться, и вместе с тем – заручиться поддержкой самых влиятельных и могущественных провинциалов. От наместника в этой ситуации требовалось не столько административное, сколько дипломатическое мастерство.

Нельзя не признать, что «досуг» наместника имел не меньшее значение для организации управления провинцией, чем его деятельность в рабочее время.

THE ROMAN GOVERNOR IN A PROVINCIAL CITY: *OTIUM POST NEGOTIUM*

A.L. Smyshlyayev

The article develops the subject discussed in the author's paper about the Roman governor's behaviour at his working time (*Civilis dominatio*: the Roman Governor in a Provincial City // VDI. 1997. № 3). His present aim is to point out the ways and habits characteristic of the Roman governor in his leisure time and to reveal the links between his conduct and the *polis* traditions and peculiarities of the Roman provincial government system of the Imperial period.

⁶⁹ Kolendo J. La répartition de places aux spectacles et la stratification sociale dans l'Empire romain. À propos des inscriptions sur les gradins des amphithéâtres et théâtres // Ktema. 1981. 6. P. 301 suiv.; Jacques. Op. cit. P. 392 suiv.

⁷⁰ Wallace-Hadrill A. Civilis princeps. Between Citizen and King // JRS. 1982. 72. P. 38; Cameron A. Circus factions. Blues and Greens at Rome and Byzantium. Oxf., 1976. P. 157 ff., 175 f., 231 f.; Yavetz Z. Plebs and Princeps. New Brunswick – Oxford, 1988. P. 99 ff.

⁷¹ Cameron. Op. cit. P. 160 ff.

⁷² Wallace-Hadrill. Civilis princeps... P. 38.

Evidence of Roman jurists, orators, and writers of 2–3 c. AD, as well as epigraphical and papyrological sources bring the author to the conclusion that the institution of hospitality (*hospitium*) and the public *polis* festivals played an essential part in the governor's *otium*.

The institution of hospitality, banquets and gift-making associated with it permitted the governor to establish informal relations with the most prominent of the city nobles who took part in the sittings of his council (*consilium*) when he sat in judgement, and the relations of «friendship» and patronate with those whose help was indispensable for his normal functioning. The *polis* habit of exercising political and administrative control through friends and dependents was still valid in governor's practice of the Imperial period.

Participating in public festivals and attending popular spectacles, the governor could get an opportunity to maintain direct contacts with the civil community of the administered city and to take account of the mood and attitudes of mind of ordinary citizens, whom he encountered at popular assemblies and before whom he held his trial.

During the banquets and spectacles, in accordance with the long established etiquette, the governors (like magistrates in the imperial cities and emperors in Rome) were expected to behave generously, politely and democratically, to manifest their fidelity to the city laws and customs and their unity with their subjects.

Thus, the governor spent his *otium* and *negotium* within the same circle of persons and in about the same manner, *otium* being as important for organizing provincial government as *negotium*.